Psychology

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-962-973

оригинальная статья УДК 159.9

Особенности личностной и этнической идентичности студентов в аспекте кросскультурного сравнения*

Татьяна Г. Бохан $^{a,\,\mathrm{ID1}}$; Марина В. Шабаловская $^{b,\,\mathrm{ID2}}$; Юлия В. Бородич $^{a,\,\mathrm{ID3}}$; Ольга В. Терехина $^{a,\,\mathrm{ID4}}$; Анна Л. Ульянич $^{a,\,(0,\,\mathrm{ID5})}$

Поступила в редакцию 12.11.2019. Принята к печати 06.12.2019.

Аннотация: Статья посвящена описанию кросскультурного сравнения особенностей и связи личностной и этнической идентичности студентов в условиях поликультурной образовательной среды. Исследование проведено с участием 141 студента (российские студенты – 48 человек, европейские студенты – 45, китайские студенты – 48). Психодиагностические методы исследования: опросник «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т. В. Румянцевой), опросник «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова). Выявлены общие и специфические особенности личностной и этнической идентичности каждой группы студентов. Установлено, что общим в структуре личностной идентичности является значимость рефлексии и идентификация собственной учебно-профессиональной ролевой позиции, в структуре этнической идентичности для всех групп характерен повышенный уровень позитивной этноидентичности и средняя выраженность этноиндифферентности. Специфическим в содержании личностной идентичности для российских студентов является большая выраженность Социального Я (профессия, семья), Перспективного Я и Рефлексивного Я, в отличие от студентов других групп. Для европейских студентов характерно большее проявление этнонигилизма. Китайские студенты демонстрируют более выраженные параметры гиперидентичности. В каждой эмпирической группе студентов установлены два типа, отличающиеся спецификой взаимосвязи личностной и этнической идентичности. Результаты позволяют определить мишени психологического сопровождения студентов в процессе их самоидентификации в условиях поликультурного образовательного пространства.

Ключевые слова: личностная идентичность, этническая идентичность, гипоидентичность, гиперидентичность, поликультурная образовательная среда, межэтническая коммуникация, студенческая молодежь

Для цитирования: Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Бородич Ю. В., Терехина О. В., Ульянич А. Л. Особенности личностной и этнической идентичности студентов в аспекте кросскультурного сравнения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 962–973. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-962-973

Введение

Одна из приоритетных задач российского образования и стратегическое направление внешней государственной политики России – привлечение иностранных студентов, что отражено в паспорте проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» на 2017–2025 гг. Ключевой целью проекта является повышение привлекательности и конкурентоспособности

российского образования на международном рынке образовательных услуг¹. В последнее время повышается интерес иностранных студентов к российскому образованию и, соответственно, усиливается поток желающих получить качественное высшее образование в российских вузах. Международная мобильность студентов в Россию оказывает не только положительное влияние на социально-экономическую обстановку в стране, но и негативную,

 $^{^{\}rm a}$ Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Λ енина, 36

 $^{^{\}rm b}$ Сибирский государственный медицинский университет, 634050, Россия, г. Томск, Московский тр., 2

[@] FiALe@yandex.ru

 $^{^{\}rm ID1}\,\rm https://orcid.org/0000-0002-9628-1470$

ID2 https://orcid.org/0000-0003-2622-3491

ID3 https://orcid.org/0000-0003-2022-3491

ID4 https://orcid.org/0000-0003-0964-9175

ID5 https://orcid.org/0000-0003-3154-3756

^{*}Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Становление идентичности как психологического фактора субъективной оценки качества жизни у молодежи в поликультурной среде университетов (кросскультурные исследования)» (грант № 19-413-700007).

 $^{^1}$ Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30.05.2017 № 6). Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJS9ZeqTC7ycla5HV.pdf (дата обращения: 09.09.2019).

связанную с возможным повышением негативизма, проявлением расизма, дискриминации в отношении иностранных студентов, трудностями их адаптации в новых образовательных и социо-культурных условиях [1-5], что может вызывать у них негативные эмоциональные и социальные последствия, снижать их субъективную оценку качества жизни в условиях поликультурной среды. Исследователями отмечается, что «в этих условиях этнопсихологические и кросс-культурные исследования субъективного благополучия приобретают особую остроту, поскольку необходимо выяснить не только константные характеристики этого явления, но и специфические особенности и факторы, проявляющиеся как эффекты этнической (гражданской) социализации личности, связанные с ее включением в деятельность различных сообществ (этнических или национальных или «цивилизационных» групп)» [5, с. 8].

В связи с этим актуализируются вопросы поиска психологических индикаторов и психологических факторов качества жизни студенческой молодежи в условиях поликультурного образовательного пространства. Мы предполагаем, что к таким психологическим факторам может быть отнесена идентичность, представленная системой личностного и социального аспектов. Данное предположение основывается на том, что идентичность является основным новообразованием, которое определяет вектор личностного и профессионального становления, саморазвития и самореализации в период молодости, что непосредственно может находить свое отражение в субъективной оценке качества жизни молодежи в условиях поликультурной образовательной среды.

Как известно, статус идентичности как самостоятельной научной категории, базирующейся на трех уровнях структуры человеческой природы – социальном (поиск соответствий между собственными ценностями и идеалами и мира), личностном (осознание собственной тождественности, уникальности, неповторимости жизненного опыта) и индивидном (глубинное осознание собственного Я как неизменной данности через пространственно-временные характеристики), был сформулирован в психоисторическом подходе Эриком Эриксоном [6]. Таким образом, идентичность как психологическая категория была представлена как структурное и интегративное образование, включающее два основных аспекта: личностный (персональный) и социальный [7]. Личностная идентичность рассматривается как определенный набор характеристик и сообщает человеку свойство уникальности, социальная является результатом идентификации личности с социальной средой. Выделенные уровни находятся в динамическом взаимодействии [7]. Существует мнение о том, что данное взаимодействие носит взаимодополняющий характер [8]. Приводя аргументы, авторы отмечают, что личностная идентичность отражает лишь индивидуальные качества человека, которые он сам отмечает в себе, все остальные личностные критерии не могут быть однозначно отделены от социальных, т. к. они в той или иной степени формируются под влиянием социальных норм и правил общества. Социальная идентичность, согласно литературным данным, включает в себя такие подвиды, как возрастная, профессиональная, идеологическая, расовая, классовая, этническая идентичность и др. В контексте данного исследования наибольший интерес представляет этническая идентичность, под которой, согласно Т. Г. Стефаненко [9], понимается осознание личностью своей принадлежности к определенной этнической группе, пониманию, оцениванию и переживанию своего членства в ней и ее связь с характеристиками личностной идентичности у студентов, представителей различных этнокультурных групп.

В научной литературе активно рассматриваются различные аспекты проблемы идентичности современной молодежи. В ряде зарубежных исследований показано, что сильная идентичность (a strong identification) оказывает благоприятное воздействие на социально-культурную адаптацию и межэтническую коммуникацию для обеих сторон, как принимающей, так и мигрирующей [10]. Некоторые исследователи указывают, что уровень сформированности этнической и расовой идентичности является ключевым фактором, способствующим позитивному психосоциальному функционированию молодежи и их субъективному благополучию [11–13]. Выявлена связь этнической идентичности с позитивным психологическим функционированием и положительными академическими результатами латинской молодежи [14]. Выявлена специфика формирования идентичности у некоторых групп молодежи, обучающихся в университете, которая заключается в стремлении поддержания «отложенной идентичности» или сохранения статуса моратория идентичности в период обучения [15].

В отечественных работах объективируется и изучается проблема российской национальной идентичности в условиях этнического многообразия [16], анализируются особенности формирования идентичности в условиях социокультурной трансформации [17], вводится понятие гражданская идентичность и рассматривается соотношение гражданской и этнической идентичности студентов вузов [18], аргументируется значимость изучения особенностей идентичности молодежи в региональном и культурном пространствах [19; 20], социальная идентичность молодежи изучается как проблема социальной политики [21]. Проводится анализ общенациональной и этнической идентичностей в их соотношении как между собой, так и с региональным и макрорегиональным видами идентичности у молодежи разных национальностей в полиэтничных республиках Сибири [22; 23].

С учетом роста образовательной миграции актуализируются задачи поиска тех условий, которые позволяют обеспечить субъективное благополучие студенчества в условиях поликультурной образовательной среды. Ссылаясь на литературные данные, мы предполагаем, что таким фактором может выступать идентичность, представленная взаимосвязью сильной и интегрированной личностной

и этнической идентичностью. В связи с этим цель исследования – кросскультурное сравнение особенностей и связи личностной и социальной идентичности студентов в условиях поликультурной образовательной среды.

Методы и материалы

Для выявления показателей личностной идентичности студентов использовался опросник «Кто Я?» М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т. В. Румянцевой. Шкала анализа идентификационных характеристик включает в себя 7 групп показателей: Социальное Я, Коммуникативное Я, Материальное Я, Физическое Я, Деятельное Я, Перспективное Я, Рефлексивное Я, а также дополнительные показатели: проблемная идентичность и ситуативное состояние. Для выявления показателей этнической идентичности использовался опросник «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой [24], позволяющий диагностировать этническое самосознание, определить его трансформации в условиях поликультурной среды и доминирующую склонность к одному из шести типов этнической идентичности. Согласно методике, выраженность любого из шести типов этнической идентичности может варьироваться от 0 до 20 баллов. Респондент в анкете самостоятельно выбирает числовой показатель: чем выше балл, тем большее значение в сознании опрошенного имеет данный тип. Линейка оценок условно разделена на степени выраженности: 0 - тенденция отсутствует; 1-4 балла - низкая интенсивность; 5-8 баллов - пониженная степень интенсивности; 9-12 баллов - средняя степень; 13-16 баллов - повышенная степень интенсивности; 17-20 баллов - высокая степень значимости типа этнической идентичности.

Статистическая обработка данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 24. В качестве статистических методов исследования были выбраны описательные статистики. Для проверки распределения показателей на нормальность использовался критерий Колмогорова-Смирнова. Для выявления статистически значимых различий между показателями разных групп использовался ранговый критерий Крускала-Уоллиса и непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

В исследовании принимали участие 141 человек в возрасте от 19 до 24 лет, студенты Томского государственного университета 3-х и 4-х курсов бакалавриата и магистранты 1 года обучения (факультеты психологии, химический, иностранных языков, филологии, юридический), 60 человек мужского, 81 человек женского пола. Выборка разделена на 3 группы: 48 участников – российские студенты, 45 – европейские студенты (итальянцы, французы, англичане), 48 – китайские студенты.

Результаты

Для сравнения показателей типов личностной идентичности были определены частотные значения встречаемости лексических единиц, относящихся к определенному типу личностной идентичности, и их процентное соотношение (табл. 1).

Для российских студентов наиболее характерны следующие показатели-компоненты идентичности: Рефлексивное Я (например, добрая, странная, неуверенный, индивидуальность, оптимист, интересная, ироничный), Физическое Я (красивая, красавчик, полная, блондинка), Социальное Я, представленное полом (мужчина, парень, девушка, женщина), учебно-профессиональной ролевой позицией (студент, магистр, фотограф, актриса, режиссер, официантка), семейной принадлежностью (дочь, сын, сестра, тетя, жена, муж), Коммуникативное Я (хороший друг, знакома с лучшими из всех людей, подруга). Наименьшая частота встречаемости приходится на показатели сексуальной роли и мировоззренческой идентичности Социального Я, Материального Я и Ситуативного состояния.

Для китайских студентов наиболее выражены следующие показатели-компоненты идентичности: учебно-профессиональная ролевая позиция, этнически-региональная принадлежность Социального Я (студент, магистр, преподаватель, китаец), Рефлексивное Я (терпеливый, упорный, смелый, прямой, мудрый, оптимист), Деятельное Я (люблю музыку, кино, люблю математику, люблю читать). Редко встречается идентификация с сексуальной ролью, мировоззренческой позицией, групповой принадлежностью в Социальном Я, компонентами идентичности Материального Я, Коммуникативного Я и Ситуативного состояния, самооценкой способности к деятельности Деятельного Я.

Для европейских студентов наиболее характерны следующие показатели-компоненты идентичности: Рефлексивное Я (интересный, счастливый, перфекционист, открытый, позитивный, простой, вспыльчивый), Физическое Я (здоровый, вегетарианец, люблю кофе, люблю свои волосы), учебно-профессиональная ролевая позиция Социального Я (студент, культуролог, исследователь), занятие и интересы Деятельного Я (люблю читать, хорошо готовлю, играю в игры, путешественник). Наименее выражены идентификация сексуальной роли и групповой принадлежности, мировоззренческая идентичность Социального Я, показатели идентичности Ситуативного состояния.

Согласно полученным результатам можно предположить, что наиболее актуальными среди показателей-компонентов идентичности для всех групп являются Рефлексивное Я и учебно-профессиональная ролевая позиция Социального Я. Также наиболее часто встречаемыми компонентами идентичности для многих российских и европейских студентов оказалось Физическое Я, в то время как для многих представителей китайских и европейских студентов — занятия и интересы Деятельного Я, российские представители студенчества часто идентифицируют себя в аспекте Коммуникативного Я. Наименее выражены для всех групп такие показатели-компоненты идентичности, как сексуальная роль, мировоззренческая идентичность Социального Я, Материальное Я и Ситуативное состояние.

Табл. 1. Частотные показатели значений типов личностной идентичности

Tab. 1. Frequency values of the types of personal identity

	Шкала	Российские студенты (n=48)	Китайские студенты (n=48)	Европейские студенты (n=45)
	Пол	31 (64 %)	13 (27 %)	8 (17 %)
K	Сексуальная роль	1 (2 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
Ное	Учебно-профессиональная позиция	40 (83 %)	25 (52 %)	24 (53 %)
аль	Семья	35 (72 %)	9 (18 %)	11 (24 %)
Социальное	Этнос	14 (29 %)	17 (35 %)	15 (33 %)
Ŭ	Мировоззрение	6 (12 %)	2 (4%)	3 (6 %)
	Социальная группа	14 (29 %)	4 (8 %)	3 (6 %)
Ком	муникативное Я	32 (66 %)	6 (12 %)	14 (31 %)
Мат	ериальное Я	3 (6 %)	2 (4 %)	5 (11 %)
Физі	ическое Я	42 (87 %)	12 (25 %)	26 (57 %)
Деятельное Я	Занятие	21 (43 %)	19 (39 %)	22 (48 %)
	Самооценка	14 (29 %)	5 (1 %)	15 (33 %)
Пер	пективное Я	13 (27 %)	7 (14 %)	8 (17 %)
Рефлексивное Я		45 (93 %)	24 (5 %)	28 (62 %)
Ситуативное состояние		6 (12 %)	7 (14 %)	7 (15 %)

Для определения значимых различий между показателями личностной идентичности в трех группах проводился сравнительный анализ непараметрическим критерием Краскела-Уоллиса (для трех независимых выборок) (табл. 2).

Значимые различия выявлены между группами студентов по показателям личностной идентичности: профессия и семья в Социальном Я, Перспективное Я, Рефлексивное Я.

Более высокие показатели Социального Я (профессия, семья), Перспективного Я и Рефлексивного Я, по сравнению с другими группами, имеют респонденты российской выборки, более низкие – у представителей Европы. Таким образом, несмотря на то, что Рефлексивное Я и идентификация с профессиональной принадлежностью в Социальном Я наиболее часто встречается в структуре идентичности студентов всех эмпирических групп, можно говорить о значимых различиях между группами, указывающих на большую представленность этих компонентов в структуре идентичности студентов российской выборки.

Проверка на нормальность распределения показателей шкал этнической идентичности указала на возможность использовать для сравнения средние значения (табл. 3). Для многих студентов российской выборки характерны низкие показатели этнонигилизма, этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма, средняя степень выраженности этнической индифферентности и повышенная степень выраженности позитивной этнической идентичности. Большинство представителей китайской выборки показали пониженную степень интенсивности показателей

этнонигилизма, этноизоляционизма и этноэгоизма, среднюю степень выраженности этнической индифферентности и этнофанатизма. Среднее значение показателя позитивной этнической идентичности в данной группе указывает на повышенный уровень. У большинства европейских студентов выявлена пониженная степень выраженности этнонигилизма, этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма, средняя степень выраженности этнической индифферентности и повышенная степень выраженности позитивной этнической идентичности.

С помощью Критерия Краскела-Уоллиса выявлены статистически значимые различия между тремя группами по выраженности типов этнической идентичности (табл. 4). Статистически значимые различия между тремя выборками имеются в следующих переменных: этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм. Более высокий показатель этнонигилизма среди трех групп выявлен у европейских студентов, самый низкий - у российских студентов. Более высокие показатели этноэгоизма, этноизоляциии, этнофанатизма, по сравнению с другими группами, отмечаются в выборке китайских студентов, самые низкие – у студентов российской выборки. В показателях позитивной этнической идентичности и этнической индифферентности статистически значимые различия не обнаружены. То есть многим представителям всех групп характерна позитивная этническая идентичность и средний уровень выраженности этнической индифферентности.

Табл. 2. Результаты критерия Краскела-Уоллиса для показателей личностной идентичности Tab. 2. Results of the Kruskal-Wallis test for personal identity indicators

	Переменная Средний ранг			X ²	р	
		Российские студенты	Китайские студенты	Европейские студенты		
	Половая идентичность	27,1	25,5	25,5	1,38	0,50
Социальное Я	Учебно-профессиональная ролевая позиция	55,1	45,7	27,5	19,9	0,01**
ave	Семейная принадлежность	34,4	18,2	15,5	14,7	0,01**
it	Этническо-региональная идентичность	23,1	26,2	17	1,9	0,39
ပိ	Мировоззренческая идентичность	6	6	6	0	1,00
	Групповая принадлежность	10,4	9,5	6,5	1,73	0,42
Коми	муникативное Я	28,3	29,5	21	0,77	0,68
Материальное Я		6	9	6	4	0,14
Физи	ческое Я	45,5	44,6	30,5	1,32	0,52
Деятельное Я	Занятия, деятельность, интересы, увлечения	32,6	37,9	29,5	1,22	0,54
	Самооценка способности к деятельности	17,9	21,4	14,5	1,21	0,55
Перспективное Я		17,2	15,2	9,5	6,03	0,05*
Рефлексивное Я		73,6	46,6	22,5	19,3	0,01**
Ситуативное состояние		3,5	3,5	3,5	0,56	0,76

Прим.: * – средняя разность значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

Табл. 3. Средние значения и стандартные отклонения показателей типов этнической идентичности

Tab. 3. Average values and standard deviations of indicators of ethnic identity types

Тип этнической идентичности	Российские студенты (n=48)	Китайские студенты (n=48)	Европейские студенты (n=45)
Этнонигилизм	3,72±2,68	5,47±3,83	6,4±3,58
Этническая индифферентность	12,09±4,17	12,38±2,46	11,16±3,17
Позитивная этническая идентичность	15,83±2,42	15,23±2,86	14,4±3,53
(норма)			
Этноэгоизм	4,23±3,14	8,28±3,97	6,87±3,90
Этноизоляционизм	2,45±2,06	7,57±3,92	6,67±4,18
Этнофанатизм	3,98±2,81	10,4±3,61	6,93±5,22

Табл. 4. Результаты критерия Краскела-Уоллиса для показателей этнической идентичности

 $Tab.\ 4.\ Results\ of\ the\ Kruskal-Wall is\ test\ for\ the\ ethnic\ identity\ indicators$

Переменная	Средний ранг			X ²	p
	Российские	Китайские	Европейские		
	студенты	студенты	студенты		
Этнонигилизм	54,1	71,2	85,2	13,9	0,01**
Этническая индифферентность	71,9	76,3	61,3	3,38	0,19
Позитивная этническая идентичность	77,4	70,2	61,9	3,45	0,18
(норма)					
Этноэгоизм	47,9	87,7	74,4	23,8	0,01**
Этноизоляционизм	37,8	91,6	81	47,2	0,01**
Этнофанатизм	42,4	100,7	66,6	50	0,01**

Прим.: * – средняя разность значима на уровне 0.05; ** – на уровне 0.01.

Для выявления однородности / неоднородности групп по показателям идентичности был осуществлен иерархический кластерный анализ данных с помощью метода межгрупповых связей (корреляция Пирсона). На основании результатов проведенной кластеризации можно предположить, что выборку российских студентов целесообразно разделить на 2 кластера (типа). Сравнительный анализ (U-критерий Манна-Уитни) определил статистически значимые различия по некоторым параметрам личностной и этнической идентичности (табл. 5).

Кластерная группа 1 (46,8 % респондентов) показала значимо меньшую представленность в структуре идентичности Физического Я, Перспективного Я, Рефлексивного Я, менее выраженную, но в пределах нормы, позитивную этническую идентичность при большей выраженности показателей этнонигилизма, этноэгоизма, этноизоляционизма в структуре этнической идентичности по сравнению с кластерной группой 2 (53,2 % респондентов).

Группа китайских студентов на основании результатов проведенной кластеризации также разделилась на 2 кластера. Сравнительный анализ определил статистически значимые различия по некоторым параметрам личностной и этнической идентичности (табл. 6) между выделенными кластерными группами. В группе китайской выборки студенты (44,7 % респондентов), входящие в первый кластер, характеризуются более низкими показателямиКоммуникативного Я, Перспективного Я, Рефлексивного Я в структуре личностной идентичности, менее выраженной позитивной этнической идентичностью и более высокими показателями этнонигилизма, этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма по сравнению с респондентами второй кластерной группы (55,3 % респондентов).

Группа европейских студентов в результате кластерного анализа также разделилась на 2 типа, значимо отличающиеся по некоторым показателям личностной и этнической идентичности. Респонденты первого кластера ($51\,\%$) характеризуются более низкими показателями Коммуникативного S и более высокими значениями Ситуативного состояния в структуре личностной идентичности, а также такими более выраженными типами этнической идентичности: этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляциониз, этнофанатизм, по сравнению с респондентами второй кластерной группы ($49\,\%$) (табл. 7).

На основании полученных данных относительно психологического содержания структуры личностной идентичности можно предположить, что существуют как общие тенденции, вероятно, отражающие возрастные особенности студентов, так и различия, связанные с этнокультуральной обусловленностью. Так, наиболее значимые компоненты личностной идентичности, проявляющиеся в рефлексии и идентификации собственных качеств, возможностей, способностей, профессиональной ролевой позицией в настоящем и будущем, отмечаются у многих студентов всех групп, свидетельствуя о возрастной норме развития. Наряду с вышеуказанными компонентами в структуре личностной идентичности у российских студентов значимыми являются идентификация себя в физическом облике, в качестве представителя определенного пола и социальной коммуникации, которые относятся к характеристикам идентичности в юношеском возрасте [25–27]. В то же время в отличие от других групп респондентов для многих российских студентов значимой является идентификация себя как члена своей семьи, что может указывать на большую связь с семьей и зависимость от нее. Для европейских студентов более значимой является

Табл. 5. Результаты сравнительного анализа показателей личностной и этнической идентичности в кластерных группах выборки российских студентов

Tab. 5. Comparative analysis of indicators of personal and ethnic identity in clustered sample groups of the Russian students

Шкала	Средний ранг		U	р
	1 кластер (n=22)	2 кластер (n=25)		
Социальное Я	26,93	21,42	210,5	0,17
Коммуникативное Я	24,20	23,82	270,5	0,92
Материальное Я	25,70	22,50	237,5	0,06
Физическое Я	18,14	29,16	146,0	0,01**
Деятельное Я	21,18	26,48	213,0	0,17
Перспективное Я	19,32	28,12	172,0	0,01**
Рефлексивное Я	18,73	28,64	159,0	0,01*
Ситуативное состояние	26,41	21,88	222,0	0,051
Этнонигилизм	31,16	17,70	117,5	0,01**
Этническая индифферентность	27,16	21,22	205,5	0,14
Позитивная этническая идентичность (норма)	18,45	28,88	153,0	0,01**
Этноэгоизм	29,61	19,06	151,5	0,01**
Этноизоляционизм	30,20	18,54	138,5	0,01**
Этнофанатизм	26,66	21,66	216,5	0,21

Прим.: * – средняя разность значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

идентификация себя в физическом облике, при этом идентификация себя как представителя определенного пола не актуальна для многих студентов данной группы. Среди наиболее часто встречаемых компонентов идентичности, помимо рефлексивного и учебно-профессионального компонентов, в группах студентов китайской выборки и европейской выборки является идентификация своих интересов, увлечений и занятий. То есть деятельностный аспект идентичности в иерархии значимости ее компонентов занимает более приоритетное место у иностранных студентов, в то время

как в группе российских студентов чаще отмечается коммуникативный компонент идентичности. Однако, статистического подтверждения различий в частоте встречаемости этих компонентов идентичности не получено. Значимые различия указывают на то, что в структуре личностной идентичности российская выборка студентов отличается большей склонностью к самоидентификации через профессиональные и персональные характеристики, принадлежность к семье, собственную перспективу в будущем.

Табл. 6. Результаты сравнительного анализа показателей личностной и этнической идентичности в кластерных группах выборки китайских студентов

Tab. 6. Comparative analysis of indicators of personal and ethnic identity in clustered sample groups of the Chinese students

Шкала	Средний ранг		U	р
	1 кластер (n=21)	2 кластер (n=26)		_
Социальное Я	23,48	24,42	262,0	0,81
Коммуникативное Я	21,00	26,42	210,0	0,02*
Материальное Я	23,00	24,81	252,0	0,20
Физическое Я	22,45	25,25	240,5	0,36
Деятельное Я	21,79	25,79	226,5	0,28
Перспективное Я	20,50	26,83	199,5	0,01*
Рефлексивное Я	19,86	27,35	186,0	0,05*
Ситуативное состояние	21,57	25,96	222,0	0,08
Этнонигилизм	32,26	17,33	99,5	0,01**
Этническая индифферентность	19,95	27,27	188,0	0,07
Позитивная этническая идентичность (норма)	15,31	31,02	90,5	0,01**
Этноэгоизм	36,00	14,31	21,0	0,01**
Этноизоляционизм	36,21	14,13	16,5	0,01**
Этнофанатизм	34,69	15,37	48,5	0,01**

Прим.: * – средняя разность значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

Таба. 7. Результаты сравнительного анализа показателей личностной и этнической идентичности в кластерных группах выборки европейских студентов

Tab. 7. Comparative analysis of indicators of personal and ethnic identity in clustered sample groups of the European students

Шкала	Средні	U	р	
	1 кластер (n=23)	2 кластер (n=22)		
Социальное Я	19,72	26,43	177,5	0,07
Коммуникативное Я	18,93	27,25	159,5	0,01**
Материальное Я	22,43	23,59	240,0	0,64
Физическое Я	20,76	25,34	201,5	0,17
Деятельное Я	22,22	23,82	235,0	0,66
Перспективное Я	23,89	22,07	232,5	0,48
Рефлексивное Я	21,67	24,39	222,5	0,38
Ситуативное состояние	25,37	20,52	198,5	0,05
Этнонигилизм	30,89	14,75	71,5	0,01**
Этническая индифферентность	21,24	24,84	212,5	0,35
Позитивная этническая идентичность (норма)	19,83	26,32	180,0	0,10
Этноэгоизм	31,11	14,52	66,5	0,01**
Этноизоляционизм	27,91	17,86	140,0	0,01*
Этнофанатизм	29,80	15,89	96,5	0,01**

Прим.: * – средняя разность значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

У большинства представителей всех групп студентов выявлен повышенный уровень позитивной этнической идентичности, который свидетельствует о том, что многие респонденты всех групп имеют баланс толерантности, т. е. сочетание позитивного отношения к собственному этносу с позитивным отношением к другим этносам. Данный факт может свидетельствовать о психологической готовности большинства участников исследования, зарубежных и российских студентов, к эффективному взаимодействию в межкультурном пространстве, в полиэтнической среде. Многие студенты всех эмпирических групп имеют средний уровень этнической индифферентности, указывающий на общую тенденцию к размыванию этнической идентичности, которая может быть выражена в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности в целом. Рядом исследователей отмечается, что незначимость этнического критерия в условиях глобализации представляется естественным для большинства сфер взаимодействия [28-30].

Также к показателям готовности к коммуникации в поликультурном пространстве образовательной среды университета можно отнести невыраженность деструктивных типов этнической идентичности у большинства студентов всех эмпирических групп. При этом можно отметить некоторые особенности в структуре этнической идентичности у студентов эмпирических групп. Низкий показатель этнонигилизма у всех трех групп говорит об отсутствии выраженных трансформаций этнического сознания по типу гипоидентичности, что может быть выражено в отходе от идентификации по этническому признаку и поиске устойчивых идентификационных категорий не по этническим критериям. Низкие показатели этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма у российских и европейских студентов отражают отсутствие склонности к трансформациям этнического сознания по типу гиперидентичности, проявляющейся в негативном отношении к другим этническим группам. Средние показатели этнофанатизма и этноэгоизма у китайской группы отражают некоторую склонность к трансформациям этнического сознания по типу гиперидентичности, усиление выраженности которых может приводить к тому, что интересы своего народа ставятся выше прав индивида, к напряженности и раздражении в общении с представителями других этнических групп.

Выявленные статистические тенденции указывают на то, что выборка европейских студентов может обладать наибольшей степенью выраженности этнической толерантности, когда идентификация по этническому признаку становится менее значимой, уступая место другим устойчивым идентификационным категориям не по этническому критерию. В отличие от данной группы китайская выборка студентов демонстрирует значимо более выраженную тенденцию к усилению деструктивности в межэтнических отношениях, обусловленному трансформациями

этнического сознания по типу гиперидентичности, что может быть выраженно в убежденности превосходства своего народа, в напряженности в общении с другими этническими группами. Для российской выборки данные трансформации менее характерны.

Результаты кластерного анализа позволяют говорить о существовании в каждой эмпирической группе двух типов представителей студенчества, отличающихся по характеристикам личностной и этнической идентичности. Один тип во всех группах представляют студенты с более наполненной психологическими компонентами личностной идентичностью и более нормативной этнической идентичностью, второй тип характеризует студентов как менее идентифицирующих себя и как людей с риском усиления деструктивных тенденций в структуре этнической идентичности. Выявленные характеристики идентичности этих типов студентов позволяют заметить связь большей осознанности личностной идентичности с нормой этнической идентичности, что соотносится с данными зарубежных исследователей о том, что сильная идентичность является фактором позитивного психосоциального функционирования и способствует успешной межэтнической коммуникации [10–12]. При этом в каждой эмпирической группе есть специфически значимые отличия в характеристиках личностной и этнической идентичности в выделенных типах: в российской выборке эти типы отличаются по идентификации своих персональных и физических качеств, идентификации себя в перспективе будущего, по выраженности позитивной этнической идентичности и деструктивным типам (этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляция); в китайской выборке – по идентификации персональных и коммуникативных качеств, себя в перспективе будущего, выраженности позитивной этнической идентичности и деструктивных типов (этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм); в европейской выборке значимыми дифференцирующими признаками оказались идентификация себя как субъекта коммуникации и своего состояния, а также деструктивные типы этнической идентичности (этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм). На основании этого можно предположить, что российские студенты, не идентифицирующие свои персональные и физические качества, свои будущие перспективы в силу различных обстоятельств (в том числе и трудностей личностного развития), оказываются менее позитивно настроены как по отношению к своей нации, так и по отношению к другим этническим группам, что проявляется в тенденциях незначимости идентификации по этническому признаку или в этноэгоизме и этноизоляции. Китайские студенты, не рефлексирующие свои персональные и коммуникативные качества, свои перспективы в будущем, могут иметь менее позитивное отношение к своей и к другим этническим группам, проявляющееся в двух тенденциях - гиперидентичности, которая представлена всеми деструктивными типами

этнической идентичности, и нивелирования этнического фактора в их социальной жизни. Европейские студенты, слабо идентифицирующие свои коммуникативные качества и сосредоточенные на своих ситуативных состояниях, могут характеризоваться склонностью к этнической гиперидентичности, выраженной всеми деструктивными типами, либо, как и в других группах, к усилению нивелирования значимости этнической идентификации.

Выявленные особенности дефицитов компонентов личностной идентичности, связанные с усилением деструктивных тенденций в этнической идентичности, позволяют определить задачи диагностики личностных факторов риска формирования социальной дезадаптации, а также направления и мишени психологического сопровождения студентов в процессе самоидентификации и поиске внутренних и внешних возможностей самореализации в условиях поликультурной образовательной среды университета.

Заключение

Для всех студентов в структуре личностной идентичности характерна выраженность рефлексивного компонента и учебно-профессиональной ролевой позиции. Общими характеристиками идентичности для российских студентов и европейских студентов является идентификация себя в физическом облике, для китайских студентов и европейских студентов значимы характеристики

деятельностного аспекта идентичности. Определены различия в структуре личностной идентичности различных групп студентов, указывающие на большую значимость Социального Я (учебно-профессиональная ролевая позиция, семья), Перспективного Я и Рефлексивного Я для российских студентов.

Структура этнической идентичности у всех групп студентов представлена низкими либо пониженными значениями этнонигилизма, этноизоляционизма, этноэгоизма, этнофанатизма и повышенным уровнем позитивной идентичности. Выявленные различия в характеристиках этноидентичности указывают на выраженность этнонигилизма у европейских студентов по сравнению с другими группами и гиперидентичности (этноизоляционизм, этноэгоизм, этнофанатизм) у китайских студентов.

В каждой этнокультурной группе определены типы студентов, отличающиеся особенностями взаимосвязи характеристик личностной и этнической идентичности. Для одного типа студентов характерна связь осознанной личностной идентичности с нормативной этноидентичностью, для других – связь менее осознанной идентификации себя с более деструктивными характеристиками этнической идентичности. При этом определены значимые различия в особенностях взаимосвязи выделенных показателях в каждой эмпирической группе.

Литература

- 1. Богданова А. И., Осипова С. И. Инновационная поликультурная образовательная среда в контексте формирования толерантной личности // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 4. С. 49–54.
- 2. Пилюгина Е. И., Тараненко О. Н. Исследование уровня самооценки и особенности социально-психологической адаптации студентов-мигрантов в условиях вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 1. С. 68–71.
- 3. Овчинников А. А., Султанова А. Н., Λ азурина А. С., Сычева Т. Ю. Особенности социально-психологической адаптации мигрантов (литературный обзор) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2018. № 1. С. 89–96. DOI: 10.26617/1810-3111-2018-1(98)-89-96
- 4. Чухрова М. Г., Султанова А. Н., Зыбина Л. Н. Социальное поведение и психоэмоциональное состояние иностранных студентов в российском университете // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3. С. 302–305.
- 5. Шамионов Р. М. Теоретические подходы к этнопсихологическим и кросс-культурным исследованиям субъективного благополучия личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 1. С. 7–19.
- 6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- 7. Муха В. Н., Литовка В. А. Личностная и социальная идентичность: проблема соотношения // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 6. С. 16–20.
- 8. Белая Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ФОРУМ, 2011. 208 с.
- 9. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, Академический проект, 1999. 320 с.
- 10. Schotte K., Stanat P., Edele A. Is integration always most adaptive? The role of cultural identity in academic achievement and in psychological adaptation of immigrant students in Germany // Journal of Youth and Adolescence. 2018. Vol. 47. № 1. P. 16–37. DOI: 10.1007/s10964-017-0737-x
- 11. Umaña-Taylor A. J., Kornienko O., Bayless S. D., Updegraff K. A. A universal intervention program increases ethnic-racial identity exploration and resolution to predict adolescent psychosocial functioning one year later // Journal of Youth and Adolescence. 2018. Vol. 47. № 1. P. 1–15. DOI: 10.1007/s10964-017-0766-5
- 12. Umaña-Taylor A. J., Douglass S., Updegraff K. A., Marsiglia F. F. A small-scale randomized efficacy trial of the identity project: promoting adolescents' ethnic–racial identity exploration and resolution // Child Development. 2017. Vol. 89. № 3. P. 862–870. DOI: 10.1111/cdev.12755

- 13. Vélez M. M., Nguyen D. J., Lee R. M. Ethnic-racial identity development in adolescents and young adults // Promoting Health Equity Among Racially and Ethnically Diverse Adolescents. 2018. Vol. 10. P. 65–84. DOI: 10.1007/978-3-319-97205-3_5
- 14. Piña-Watson B., Martinez A. J., Cruz L. N., Llamas J. D., López B. G. Ethnic identity affirmation as a strength for Mexican descent academic outcomes: Psychological functioning and academic attitudes as mediators // Psychology in the Schools. 2018. Vol. 55. № 10. P. 1155–1170. DOI: 10.1002/pits.22188
- 15. Sica L. S., Luyckx K., Goossens L., Ragozini G., Sestito L. A. Identity statuses and event-Focused narratives at university starting point in Italy // Journal of Adult Development. 2017. Vol. 24. № 2. P. 89–108. DOI: 10.1007/s10804-016-9249-2
- 16. Железняков А. С., Литвинова Т. Н. Проблема формирования российской национальной идентичности в условиях этнического многообразия // Россия реформирующаяся. 2012. № 11. С. 367–383.
- 17. Шикова Р. Ю. Идентичность молодежи России в условиях социокультурной трансформации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 1. С. 109–113.
- 18. Рожкова Л. В. Идентичность современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 2. С. 55–63.
- 19. Кочина Е. А. Надэтническая идентичность в условиях современных социокультурных трансформаций (на примере республики Хакасия) // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1. С. 227–231.
- 20. Максимова Л. А., Валиев Р. А., Руженцева Н. Б., Валиева Т. В. Региональная идентичность в юношеском возрасте как маркер личностной связи с территорией проживания // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 2. С. 82–92. DOI: 10.17759/pse.2019240208
- 21. Агарков А. А. Социальная идентичность молодежи как проблема социальной политики // Омский научный вестник. 2009. № 6. С. 81–85.
- 22. Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 69-83. DOI: $10.17805/\mathrm{zpu}.2017.3.6$
- 23. Аксютин Ю. М., Евдокимов А. И., Захарова А. А., Кочина Е. А. Российская национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (на примере Южной Сибири). Уфа: Аэтерна, 2016. 118 с.
- 24. Солдатова Г. У., Рыжова С. В. Типы этнической идентичности // Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Прокофьева Т. Ю., Кравцова О. А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. С. 140–146.
- 25. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2006. 608 с.
- 26. Шнейдер Л. Б. Психология идентичности. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 328 с.
- 27. Ходаковская О. В. Социальная и личностная идентичность в юности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 24 с.
- 28. Истомина О. Б. О типах этнической идентичности // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 61–65.
- 29. Истомина О. Б. Психология межэтнического взаимодействия: диспозиции и особенности в современном обществе // European Social Science Journal. 2016. № 11. С. 325–329.
- 30. Гришина А. В., Лунин С. Л. Типы этнической идентичности российской молодежи как показатель позитивной готовности к принятию вынужденных мигрантов из Украины // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12. № 2. С. 46–55.

Personal and Ethnic Identity in Students: a Cross-Cultural Comparison*

Tatiana G. Bokhan ^{a, ID1}; Marina V. Shabalovskaya ^{b, ID2}; Julia V. Borodich ^{a, ID3}; Olga V. Terekhina ^{a, ID4}; Anna L. Ulyanich ^{a, @, ID5}

Received 12.11.2019. Accepted 06.12.2019.

Abstract: The research featured a cross-cultural comparison of personal and ethnic identity in university students in the conditions of multicultural educational environment. The study involved 141 students: 48 Russians, 45 students from various European countries, and 48 Chinese students. The psychodiagnostic research methods included the questionnaire "Who Am I?" by M. Kuhn and T. McPartland as modified by T. V. Rumyantseva and the questionnaire "Types of ethnic identity" by G. U. Soldatova, S. V. Ryzhova. The research revealed common and specific features of personal and ethnic identity of each group. The importance of reflection and identification of one's own educational and professional role position were present in the structure of personal identity of every group. As for the structure of ethnic identity, all groups demonstrated an increased level of positive ethnic identity and an average level of ethnic indifference. In the content of personal identity of Russian students, the Social Self (profession, family), the Perspective Self, and the Reflective Self were more pronounced in contrast with other groups. The European students showed a greater manifestation of ethnic nihilism. The Chinese students demonstrated a greater hyperidentity. In each test group, the authors established two types that differed in the specifics of the relationship between personal and ethnic identity. The results can improve the psychological support of students in the process of their self-identification in the conditions of multicultural educational environment.

Keywords: personal identity, ethnic identity, hypo-identity, hyper-identity, multicultural educational environment, interethnic communication, young students

For citation: Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Borodich J. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L. Personal and Ethnic Identity in Students: a Cross-Cultural Comparison. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 962–973. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-962-973

References

- 1. Bogdanova A. I., Osipova S. I. Innovative multicultural educational medium in the context of forming a tolerant personality. *Siberian pedagogical journal*, 2012, (4): 49–54. (In Russ.)
- 2. Pilyugina E. I., Taranenko O. N. The study of self-esteem and peculiarities of socio-psychological adaptation of migrant students in universities. *Obshestvo: sociologija, psihologija, pedagogika,* 2017, (1): 68–71. (In Russ.)
- 3. Ovchinnikov A. A., Sultanova A. N., Lazurina A. S., Sycheva T. Yu. Peculiarities of social-psychological adaptation of migrants (literature review). Sibirskii vestnik psikhiatrii i narkologii, 2018, (1): 89–96. (In Russ.) DOI: 10.26617/1810-3111-2018-1(98)-89-96
- 4. Chukhrova M. G., Sultanova A. N., Zybina L. N. Social behavior and psychoemotical status of foreign students in the Russian university. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2017, (3): 302–305. (In Russ.)
- 5. Shamionov R. M. Theoretical approaches to ethno-psychological and cross-cultural studies of subjective well-being of the personality. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2016, (1): 7–19. (In Russ.)
- 6. Erikson E. *Identity: youth and crisis.* Moscow: Progress, 1996, 344. (In Russ.)
- 7. Mukha V. N., Litovka V. A. Personal and social identity: the problem of relations. *Sborniki konferentsii NITS Sotsiosfera,* 16–20. (In Russ.)
- 8. Belaya E. N. Theory and practice of intercultural communication. Moscow: FORUM, 2011, 208. (In Russ.)

^a Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050

^b Siberian State Medical University, 2, Moscowski Trakt, Tomsk, Russia, 634050

[@] FiALe@yandex.ru

 $^{^{\}rm ID1}\,\rm https://orcid.org/0000-0002-9628-1470$

ID2 https://orcid.org/0000-0003-2622-3491

ID3 https://orcid.org/0000-0002-4256-7641

ID4 https://orcid.org/0000-0003-0964-9175

ID5 https://orcid.org/0000-0003-3154-3756

^{*} The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund in the framework of the research project "The Formation of Identity as a Psychological Factor of the Subjective Assessment of the Quality of Life among Young People in the Multicultural Environment of Universities (Cross-Cultural Studies)" (grant No. 19-413-700007).

- 9. Stephanenko T. G. Ethnopsychology. Moscow: IP RAN, Akademicheskii proekt, 1999, 320. (In Russ.)
- 10. Schotte K., Stanat P., Edele A. Is integration always most adaptive? The role of cultural identity in academic achievement and in psychological adaptation of immigrant students in Germany. *Journal of Youth and Adolescence*, 2018, 47(1): 16–37. DOI: 10.1007/s10964-017-0737-x
- 11. Umaña-Taylor A. J., Kornienko O., Bayless S. D., Updegraff K. A. A universal intervention program increases ethnic-racial identity exploration and resolution to predict adolescent psychosocial functioning one year later. *Journal of Youth and Adolescence*, 2018, 47(1): 1–15. DOI: 10.1007/s10964-017-0766-5
- 12. Umaña-Taylor A. J., Douglass S., Updegraff K. A., Marsiglia F. F. A small-scale randomized efficacy trial of the identity project: promoting adolescents' ethnic-racial identity exploration and resolution. *Child Development*, 2017, 89(3): 862–870. DOI: 10.1111/cdev.12755
- 13. Vélez M. M., Nguyen D. J., Lee R. M. Ethnic-racial identity development in adolescents and young adults. *Promoting Health Equity Among Racially and Ethnically Diverse Adolescents*, 2018, 10: 65–84. DOI: 10.1007/978-3-319-97205-3_5
- 14. Piña-Watson B., Martinez A. J., Cruz L. N., Llamas J. D., López B. G. Ethnic identity affirmation as a strength for Mexican descent academic outcomes: Psychological functioning and academic attitudes as mediators. *Psychology in the Schools*, 2018, 55(10): 1155–1170. DOI: 10.1002/pits.22188
- 15. Sica L. S., Luyckx K., Goossens L., Ragozini G., Sestito L. A. Identity statuses and event-Focused narratives at university starting point in Italy. *Journal of Adult Development*, 2017, 24(2): 89–108. DOI: 10.1007/s10804-016-9249-2
- 16. Zheleznyakov A. S., Litvinova T. N. The problem of formation of the Russian national identity in the conditions of ethnic diversity. *Rossiia peformiruiushaiasia*, 2012, (11): 367–383. (In Russ.)
- 17. Shikova R. Yu. Identity of Russian youth in conditions of sociocultural transformation. ASU Bulletin. Ser. 1: Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies, 2010, (1): 109–113. (In Russ.)
- 18. Rozhkova L. V. Identity of modern students. University proceedings. Volga region. Social sciences, 2010, (2): 55-63. (In Russ.)
- 19. Kochina Ye. A. Supra-ethnic identity in the modern socio-cultural transformations (the case of Khakassia Republic). *Mir nauki, kultury, obrazovaniya,* 2015, (1): 227–231. (In Russ.)
- 20. Maksimova L. A., Valiyev R. A., Ruzhentseva N. B., Valiyeva T. V. Conceptosphere of regional identity in young people as marker of personal relation with territory of residence. *Psychological Science and Education*, 2019, 24(2): 82–92. (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2019240208
- 21. Agarkov A. A. Social identity of youth as social politics problem. Omsk Scientific Bulletin, 2009, (6): 81-85. (In Russ.)
- 22. Madyukova S. A., Persidskaya O. A., Popkov Yu. V. Nationwide and ethnic identity of young people of ethnic groups living in Siberian republics in a comparative perspective. *Znenie. Ponimanie. Umenie*, 2017, (3): 69–83. (In Russ.) DOI: 10.17805/zpu.2017.3.6
- 23. Aksyutin Yu. M., Evdokimov A. I., Zakharova A. A., Kochina E. A. Russian national identity: new risks and ways of overcoming (the case of Southern Siberia). Ufa: Aeterna, 2016, 118. (In Russ.)
- 24. Soldatova G. U., Shaigerova L. A., Prokofieva T. Yu., Kravtsova O. A. *Psychodiagnostics of personality tolerance*. Moscow: Smysl, 2008, 140–146. (In Russ.)
- 25. Mukhina V. S. Age psychology: phenomenology of development, 10th ed. Moscow: Akademiia, 2006, 608. (In Russ.)
- 26. Shneyder L. B. Psychology of identity, 2nd ed. Moscow: Iurait, 2019, 328. (In Russ.)
- 27. Khodakovskaya O. V. Social and personal identity in youth. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2006, 24. (In Russ.)
- 28. Istomina O. B. On types of ethnic identification. Sotsiologocheskiie issledovaniia, 2011, (11): 61-65. (In Russ.)
- 29. Istomina O. B. Psychology of interethnic interaction: dispositions and features in modern society. *European Social Science Journal*, 2016, (11): 325–329. (In Russ.)
- 30. Grishina A. V., Lunin S. L. Ethnic identity types of Russian youth as an indicator of a positive readiness to accept the forced migrants from Ukraine. *Russian Psychological Journal*, 2015, 12(2): 46–55. (In Russ.)